

ОТ ЗАЩИТНИКА К МИРОТВОРЦУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ АДВОКАТА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Рашидов Шахзод Рашидович

студент магистратуры

Ташкентский государственный юридический университет

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20080170>

ARTICLE INFO

Received: 1st May 2026

Accepted: 5th May 2026

Published: 8th May 2026

KEYWORDS

альтернативное
разрешение споров; адвокат;
медиация; адвокат-миротворец;
состязательная модель;
профессиональная этика;
сравнительное правоведение.

ABSTRACT

В статье исследуется концептуальная трансформация профессиональной роли адвоката под воздействием институционализации альтернативного разрешения споров. На основе сравнительно-правового анализа законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации, Федеративной Республики Германия и Республики Казахстан исследуется переход от классической состязательной модели адвокатуры к расширенной модели «адвоката-миротворца», сочетающего функции судебного представителя, переговорщика и медиатора. Анализируется влияние АРС на компетентностный профиль и этические стандарты адвоката. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования адвокатской деятельности.

ВВЕДЕНИЕ

Профессия адвоката на протяжении многих веков формировалась в рамках состязательной парадигмы правосудия. Адвокат традиционно понимался как профессиональный «боец», главная задача которого – отстаивать позицию клиента в правовом поединке с оппонентом перед беспристрастным судом. Состязательная модель, имеющая глубокие корни как в правовой традиции общего права, так и в континентальных правовых системах, исходит из представления о правовом конфликте как бинарном противостоянии, результатом которого неизбежно является победа одной стороны и поражение другой.¹

Вместе с тем со второй половины XX столетия данная парадигма подверглась существенному переосмыслению. Системный кризис государственного правосудия, проявившийся в перегруженности судов, нарастающих издержках судебного

¹Носырева, Е. И. (2005). Альтернативное разрешение споров в США. М.: Городец. С. 12.

разбирательства и его разрушительном воздействии на долгосрочные деловые отношения, обусловил институционализацию альтернативного разрешения споров (АРС) как самостоятельного правового института. Медиация, переговоры, третейское разбирательство, нейтральная оценка превратились из маргинальной практики в полноценные механизмы урегулирования конфликтов, занявшие самостоятельное место в системе правосудия.

Принципиальный вопрос, вставший перед адвокатским сообществом: может ли адвокат оставаться исключительно «судебным защитником» в условиях, когда всё большая доля правовых конфликтов урегулируется вне зала судебных заседаний? Ответ международной правовой практики оказался однозначным: профессиональная роль адвоката переживает качественную трансформацию, расширяясь от функции судебного представителя до функции универсального специалиста по урегулированию правовых конфликтов.²

Республика Узбекистан, осуществляющая в настоящее время масштабные судебно-правовые реформы, оказывается перед необходимостью осмысления данной трансформации применительно к национальному правовому контексту. Принятие Закона «О медиации» в 2018 году³ заложило нормативный фундамент развития АРС, однако вопрос о роли адвоката в данной системе остаётся теоретически и нормативно неразработанным. Настоящая статья ставит целью: (1) исследовать концептуальную трансформацию роли адвоката под воздействием АРС на основе зарубежного опыта; (2) проанализировать влияние данной трансформации на компетентностный профиль и этические стандарты адвоката; (3) сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования адвокатской деятельности в Республике Узбекистан с учётом опыта Российской Федерации, Германии и Казахстана.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования образует совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания. Системообразующим выступает сравнительно-правовой метод, применяемый при сопоставлении нормативных решений Российской Федерации, Федеративной Республики Германия и Республики Казахстан. Выбор данных правовых порядков продиктован методологическими соображениями: Россия и Казахстан представляют постсоветское правовое пространство с близкими историческими и правовыми характеристиками; Германия – континентальную правовую традицию с развитой системой статутного регулирования АРС.

Формально-юридический метод используется при анализе действующего законодательства об АРС и адвокатуре трёх исследуемых государств, а также Республики Узбекистан. Историко-правовой метод применён при исследовании генезиса состязательной модели адвокатуры и концепции «адвоката-миротворца» в правовой доктрине. Метод правового моделирования использован при разработке предложений *de lege ferenda* применительно к узбекистанской правовой системе.

Нормативную базу исследования составляют: Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования

²Riskin, L. L. (1994). Mediator orientations, strategies and techniques. *Alternatives to the High Cost of Litigation*, 12(9), 111–114. <https://doi.org/10.1002/alt.3810120904>

³Закон Республики Узбекистан от 03.07.2018 г. № ЗРУ-482 «О медиации». (2018). <https://www.lex.uz/ru/docs/3805229>

споров с участием посредника»; Закон Германии о медиации (Mediationsgesetz) от 21.07.2012; Закон Республики Казахстан от 28.01.2011 № 401-IV «О медиации»; Закон Республики Узбекистан от 03.07.2018 № ЗРУ-482 «О медиации». Теоретическую основу образуют труды Е.И.Носыревой, С.И.Калашниковой (Россия); Ф.Стеффека, Х.Унбрата, Й.Фолькмера (Германия); К.Менкел-Медоу, Л.Л.Рискина (США), а также материалы международных профессиональных стандартов ССВЕ и ИВА.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепция «адвоката-миротворца» в правовой доктрине

Концептуальная трансформация роли адвоката от состязательного защитника к интегративному «миротворцу» была наиболее последовательно разработана в трудах американских учёных К.Менкел-Медоу⁴ и Л.Л.Рискина⁵. Согласно данной концепции, адвокат не должен и не может ограничиваться исключительно судебным представительство: его профессиональная роль включает помощь клиенту в анализе подлинных интересов, а не лишь декларируемых позиций, а также выбор процедуры, наилучшим образом соответствующей конкретной ситуации.

В немецкой правовой доктрине данная концепция нашла отражение в работах Ф.Стеффека и его соавторов⁶, обосновавших необходимость интеграции АРС в систему адвокатского образования и профессиональных стандартов. В российской науке аналогичные идеи последовательно развивает С.И.Калашникова, рассматривающая медиацию как самостоятельный институт гражданской юрисдикции, требующий специализированного профессионального участия.⁷ Принципиальный консенсус, сформировавшийся в исследуемых правовых системах, состоит в том, что адвокат «нового типа» остаётся квалифицированным правовым защитником, однако дополнительно владеет инструментами АРС и применяет тот из них, который в конкретной ситуации в наибольшей мере отвечает интересам клиента.

Концептуальную основу данного подхода составляет разграничение «позиций» и «интересов» сторон, введённое в научный оборот в рамках теории принципиальных переговоров (Гарвардский метод). Если состязательная модель ориентирована на отстаивание заявленных позиций, то интегративная модель, лежащая в основе концепции «адвоката-миротворца», направлена на выявление и удовлетворение глубинных интересов обеих сторон. Это открывает возможность для формирования решений типа «выиграл-выиграл» (win-win), принципиально недостижимых в рамках состязательного судебного разбирательства, исходящего из логики нулевой суммы.

Важно подчеркнуть, что концепция «адвоката-миротворца» не предполагает отказа от состязательного представительства как такового. Напротив, она расширяет профессиональный арсенал адвоката, добавляя к традиционным инструментам судебной защиты новые компетенции переговорщика и стратега урегулирования конфликтов. Выбор между судебным и внесудебным инструментом определяется не

⁴Menkel-Meadow, C. (Ed.). (2001). *Mediation: Theory, policy and practice*. Ashgate/Dartmouth. P. 78–82.

⁵Riskin, L. L. (1994). Mediator orientations, strategies and techniques. *Alternatives to the High Cost of Litigation*, 12(9), 111–114. <https://doi.org/10.1002/alt.3810120904>

⁶Steffek, F., & Unberath, H. (Eds.). (2013). *Regulating dispute resolution: ADR and access to justice at the crossroads*

⁷Калашникова, С. И. (2011). *Медиация в сфере гражданской юрисдикции*. Инфотропик Медиа. С. 34..

идеологическими соображениями, а прагматическим анализом интересов клиента: там, где судебное разбирательство в наибольшей мере отвечает целям клиента, оно остаётся приоритетным; там, где этим целям лучше отвечает медиация или иной механизм АРС, адвокат обязан рекомендовать его как реальную альтернативу.

Влияние АРС на компетентностный профиль адвоката

Интеграция АРС в адвокатскую практику влечёт принципиальное изменение профессионального компетентностного профиля. Традиционная подготовка адвоката, ориентированная на знание материального и процессуального права, навыки правовой аргументации и риторики, оказывается недостаточной для эффективного участия в процедурах АРС. Дополнительно требуются: навыки активного слушания и эмпатического общения; владение техниками ведения переговоров; понимание психологических и поведенческих аспектов конфликта; способность конструировать «пакетные» решения, выходящие за рамки правовых требований сторон.

Германская модель закрепила данные требования на нормативном уровне. Раздел 5 Mediationsgesetz⁸ устанавливает обязательную специализированную подготовку для адвокатов, желающих практиковать в качестве аттестованного медиатора – не менее 120 академических часов учебного курса, включающего теорию медиации, процессуальные навыки, этику и практические упражнения под наблюдением аттестованного преподавателя. Немецкие адвокатские палаты (Rechtsanwaltskammern) активно интегрировали данные требования в программы повышения квалификации, создав разветвлённую инфраструктуру обучения адвокатов-медиаторов.⁹

В Российской Федерации требования к подготовке медиаторов существенно мягче: Закон о медиации не устанавливает специальных требований к адвокатам, желающим выступать медиаторами. Реформа третейского разбирательства 2015–2016 годов, тем не менее, существенно повысила требования к арбитражной практике адвокатов, введя жёсткую систему признания постоянно действующих арбитражных учреждений и тем самым стимулировав специализацию адвокатского сообщества в сфере коммерческого арбитража. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.01.2018 №1¹⁰ разъяснило процессуальный статус медиационного соглашения, существенно укрепив правовой механизм обеспечения исполнения результатов медиации.

Республика Казахстан занимает в данном вопросе промежуточную позицию между германской и российской моделями. Гражданский процессуальный кодекс 2015 года ввёл уникальный институт партисипативной процедуры¹¹, осуществляемой исключительно усилиями адвокатов обеих сторон без привлечения нейтрального третьего лица. Адвокаты заключают соглашение о проведении партисипативной

⁸Закон о содействии медиации и иным процедурам внесудебного урегулирования споров (Закон о медиации) от 21 июля 2012 г., BGBl. I S. 1577 (Германия). (англ. пер.). https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_mediationsg/englisch_mediationsg.html

⁹Volkmer, J. (2018). Медиация в Германии: итоги и перспективы. *Zeitschrift für Konfliktmanagement*, 21(4), 148–152.

¹⁰Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 18. (2021). *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*, (8). <https://www.vsrp.ru/documents/own/30168/>

¹¹Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31.10.2015 № 377-V ЗРК. (2015, 3 ноября). *Казахстанская правда*. Гл. 17. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377>

процедуры, в рамках которой обязуются добросовестно сотрудничать в поиске взаимоприемлемого решения. Данный институт принципиально переосмысливает роль адвоката: из «бойца», отстаивающего позицию клиента в противостоянии с оппонентом, адвокат превращается в «архитектора соглашения», совместно с коллегой-оппонентом конструирующего решение конфликта.

Помимо нормативных стимулов значимым фактором становления компетентного профиля адвоката являются образовательные программы. В Германии большинство юридических факультетов включают курсы медиации в обязательные образовательные программы; ведущие адвокатские палаты обеспечивают регулярное повышение квалификации в данной сфере. В Казахстане такие университеты, как КазНУ им. аль-Фараби и Казахстанско-немецкий университет, реализуют специализированные магистерские программы по альтернативному разрешению споров. В Российской Федерации аналогичные программы реализуются на базе РГУП, МГИМО и других ведущих вузов. Образовательная инфраструктура, таким образом, является существенным элементом институциональной экосистемы АРС.

Сравнительный анализ опыта Германии, Казахстана и России позволяет сформулировать тезис о трёхуровневой структуре требований к компетенциям адвоката, участвующего в АРС. Первый уровень – базовый – охватывает теоретические знания о видах АРС, их принципах и нормативной регламентации, а также элементарные навыки переговоров. Данные компетенции должны входить в обязательную программу подготовки каждого адвоката. Второй уровень – продвинутый – включает специализированные навыки представительства в медиации и арбитражном разбирательстве: подготовка переговорной стратегии, правовая экспертиза предложений оппонента, экспертиза медиационного соглашения. Третий уровень – экспертный – соответствует роли нейтрального лица (медиатора, арбитра) и предполагает специализированную подготовку с практикой под наблюдением. Такая трёхуровневая модель, реализованная в Германии, может служить образцом для построения системы адвокатского образования в Узбекистане.

Этические стандарты участия адвоката в АРС

Этическое измерение участия адвоката в АРС является, пожалуй, наиболее сложным и дискуссионным аспектом исследуемой проблематики. Традиционная адвокатская этика строится на принципе лояльности клиенту, который в состязательной модели нередко интерпретируется как обязанность максимально агрессивно отстаивать интересы клиента. АРС привносит в этическую систему адвоката новые ценности: обязательство информировать клиента обо всех доступных методах урегулирования спора; требование беспристрастности при выступлении в роли медиатора; запрет совмещения несовместимых ролей по одному делу. Кодекс поведения европейских адвокатов ССВЕ¹² закрепляет данные принципы в качестве международного профессионального стандарта.

Особую этическую проблему представляет совмещение адвокатом ролей представителя стороны и медиатора. Германский законодатель нашёл прямолинейное решение: Раздел 3 Mediationsgesetz¹³ прямо запрещает медиатору впоследствии

¹²Council of Bars and Law Societies of Europe. (2006). *Code of Conduct for European Lawyers* (as last amended on 19 May 2006). ССВЕ. Art. 3.7.

¹³Закон о содействии медиации и иным процедурам внесудебного урегулирования споров (Закон о медиации) от 21 июля 2012 г., BGBl. I S. 1577 (Германия). (англ. пер.). <https://www.gesetze-im->

оказывать правовую помощь любой из сторон по тому же спору. Данное решение закрепляет принципиальную несовместимость нейтральной и представительской ролей и исключает риск конфликта интересов. Раздел 43а BRAO¹⁴ дополнительно устанавливает общие правила поведения адвоката при конфликте интересов, применимые по аналогии к процедурам АРС.

Казахстанская модель пошла дальше всех среди постсоветских правопорядков в нормативном закреплении этических обязанностей адвоката в сфере АРС. Закон «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» 2018 года¹⁵ прямо обязывает адвоката «информировать клиента о возможности урегулирования спора во внесудебном порядке» – норма, аналогов которой нет ни в российском, ни в узбекистанском законодательстве об адвокатуре. Данное решение реализует на нормативном уровне концепцию «информированного выбора» клиента: последний вправе самостоятельно решить, прибегнуть ли к суду или к АРС, однако для реализации этого права он должен располагать полной информацией о доступных механизмах.

Российский Кодекс профессиональной этики адвоката закрепляет общие принципы честности, разумности и добросовестности, однако не содержит специальных норм, регулирующих участие адвоката в процедурах АРС. Возникающая правовая неопределённость восполняется адвокатским сообществом по аналогии общих этических норм, что нередко приводит к этическим коллизиям, в частности применительно к проблеме медиативной конфиденциальности и её соотношения с адвокатской обязанностью действовать в наилучших интересах клиента.¹⁶

Особую теоретическую и практическую сложность представляет вопрос о допустимости использования информации, полученной адвокатом в ходе медиации, в последующем судебном разбирательстве в случае его инициации. Российский Закон о медиации запрещает использование такой информации в качестве доказательств в суде. Однако распространяется ли данный запрет на устные показания адвоката? Может ли адвокат выстраивать судебную стратегию с учётом сведений, полученных в ходе медиации, не используя их формально в качестве доказательств? Российская правовая доктрина и судебная практика пока не дали однозначных ответов на эти вопросы, что вынуждает адвокатов ориентироваться на международные стандарты ССВЕ и доктринальные подходы.

Германская модель в данном вопросе является более чёткой: §4 Mediationsgesetz распространяет режим медиативной конфиденциальности не только на самого медиатора, но и на лиц, участвовавших в подготовке и проведении медиации, что охватывает и адвокатов-представителей сторон. Информация, полученная в ходе медиации, может быть раскрыта только с согласия всех участников или в строго определённых законом исключительных случаях. Данное решение существенно укрепляет институциональное доверие к медиации и обеспечивает реальную защиту

internet.de/englisch_mediationsg/englisch_mediationsg.html

¹⁴Bundesrechtsanwaltsordnung [BRAO] [Федеральное положение об адвокатуре] vom 01.08.1959, BGBl. I S. 565, zuletzt geändert durch Gesetz vom 07.07.2021, BGBl. I S. 2363 (Germany). § 43a. <https://www.gesetze-im-internet.de/brao/>

¹⁵Закон Республики Казахстан от 05.07.2018 № 176-VI ЗРК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи». (2018, 10 июля). *Казахстанская правда*. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000176>

интересов сторон, открывших друг другу чувствительную информацию в надежде на достижение соглашения.

Перспективы развития АРС в адвокатской деятельности Узбекистана

Принятие Закона Республики Узбекистан «О медиации» в 2018 году создало нормативный фундамент для развития медиации как правового института. Закон закрепил принципы медиации, требования к медиаторам и порядок исполнения медиационных соглашений. Однако Закон «Об адвокатуре»¹⁷ в действующей редакции 2008 года с последующими изменениями не содержит специального регулирования участия адвоката в процедурах АРС. Тем самым в узбекистанском законодательстве образуется значительная нормативная лакуна: законодательство о медиации предусматривает участие представителей сторон, тогда как законодательство об адвокатуре не регулирует данное участие.

Институциональным импульсом для развития АРС послужил Указ Президента Республики Узбекистан от 21.02.2017 № УП-4966¹⁸, предусмотревший комплекс мер по совершенствованию судебно-правовой системы, в том числе развитие примирительных процедур. В рамках реализации данного Указа активизировалась деятельность медиационных центров при судах, расширилась сеть организаций, обеспечивающих проведение медиации в коммерческих спорах. Стратегия «Узбекистан – 2030»¹⁹ закрепила развитие эффективной и доступной системы правосудия в качестве государственного приоритета.

Сравнительный анализ опыта Германии, России и Казахстана позволяет выделить четыре системных пробела в правовом регулировании Узбекистана: (1) отсутствие нормативной обязанности адвоката информировать клиента об АРС, аналогичной казахстанской модели; (2) отсутствие специальных этических норм о конфликте интересов при совмещении ролей, по образцу германского Mediationsgesetz; (3) отсутствие нормативно установленных образовательных стандартов по подготовке адвокатов в сфере АРС; (4) отсутствие процессуальных стимулов к использованию медиации, аналогичных российской и казахстанской моделям.

Особое значение для развития АРС в Узбекистане имеет благоприятная социокультурная традиция узбекского общества, ориентированная на консенсус и примирение. Институты маслахата, аксакальства, примирительные процедуры махалли – традиции, в которых ценности консенсуса и восстановления отношений ставятся выше «победы» в споре, – создают уникальную культурную почву для развития медиации. Данные традиционные механизмы, не являясь правовыми в строгом смысле, свидетельствуют о культурной восприимчивости узбекского общества к ценностям АРС. При условии органичной интеграции в национальную правовую систему – а не механического копирования зарубежных моделей – институционализированное АРС в Узбекистане может приобрести самобытные черты, повышающие его практическую эффективность.

¹⁷Закон Республики Узбекистан от 25.12.2008 № ЗРУ-195 «Об адвокатуре» (ред. от 03.11.2022) // Ведомости Олий Мажлиса РУз. 2009. № 1.

¹⁸Указ Президента Республики Узбекистан от 21.02.2017 № УП-4966 «О мерах по коренному совершенствованию судебно-правовой системы» // Собрание законодательства РУз. 2017. № 8. Ст. 121.

¹⁹Стратегия «Узбекистан — 2030»: Указ Президента Республики Узбекистан от 11.09.2023 № УП-158. Цель 35.

Заслуживают рассмотрения и перспективы развития институциональной арбитражной инфраструктуры в Узбекистане. Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Республики Узбекистан в последние годы активно расширяет географию рассматриваемых дел, однако его авторитет в международном сообществе пока существенно уступает ведущим арбитражным учреждениям региона. Опыт Казахстана, создавшего Международный финансовый центр «Астана» с собственной арбитражной инфраструктурой на основе адаптированного английского права, представляет значительный интерес для Узбекистана: создание аналогичной специализированной арбитражной зоны могло бы существенно повысить инвестиционную привлекательность страны и создать качественно новые перспективы для специализации узбекистанских адвокатов в международном коммерческом арбитраже.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения. Во-первых, трансформация роли адвоката под воздействием APC является объективной и необратимой тенденцией, охватившей все исследуемые правовые порядки. Состязательная модель адвокатуры не исчезает, но обогащается концепцией «адвоката-миротворца», ориентированного на использование наиболее эффективного для клиента метода урегулирования конфликта – судебного или внесудебного. Данная трансформация представляет собой не утрату, а расширение профессиональной идентичности адвоката.

Во-вторых, сравнительно-правовой анализ показывает существенные различия в степени нормативной обеспеченности данной трансформации в исследуемых государствах. Германия располагает наиболее развитой статутной моделью, прямо регламентирующей подготовку адвокатов-медиаторов, требования к беспристрастности и запрет несоместимого совмещения ролей. Казахстан, опираясь на лучшие международные практики, ввёл уникальный институт партисипативной процедуры и закрепил в законе об адвокатуре обязанность информирования клиента об APC. Россия располагает развитым законодательством о медиации и арбитраже, однако специальное регулирование участия адвоката остаётся фрагментарным.

В-третьих, в целях интеграции APC в адвокатскую деятельность Республики Узбекистан представляется целесообразным реализовать следующие меры: (а) дополнить Закон «Об адвокатуре» нормой об обязанности адвоката информировать клиента о возможностях APC по образцу казахстанской модели; (б) включить в Правила профессиональной этики адвоката специальный раздел о поведении адвоката в процедурах APC, в том числе нормы о конфликте интересов при совмещении ролей по образцу германского Mediationsgesetz; (в) ввести обязательный курс «Медиация и APC» в программы адвокатского образования при ТГЮУ; (г) дополнить ГПК Республики Узбекистан нормами о досудебной медиации по семейным и трудовым спорам по образцу казахстанской модели.

В-четвёртых, успешная интеграция APC в адвокатскую практику Узбекистана требует не только нормативных, но и культурных усилий. Благоприятная социокультурная традиция узбекского общества, ориентированная на консенсус и примирение (институты маслахата и аксакальства), создаёт уникальную основу для развития самобытной национальной модели APC, не противопоставленной западным образцам, но органично интегрированной в национальный культурный контекст.

В-пятых, необходимо подчеркнуть, что трансформация роли адвоката от защитника к миротворцу не является угрозой профессиональному статусу адвокатуры, а напротив – расширяет её роль и значение в правовой системе. Опыт Германии и Казахстана свидетельствует, что адвокаты, освоившие компетенции в сфере АРС, не утрачивают своей традиционной функции, но приобретают новые рынки услуг и более устойчивое профессиональное положение. Адвокатура, активно интегрирующая АРС в свою практику, оказывается лучше приспособленной к запросам современного гражданского оборота и обеспечивает более качественную и многомерную правовую помощь клиентам.

Перспективы дальнейших исследований связаны с детальным изучением практической реализации предложенных мер, а также с анализом отдельных категорий споров (семейные, трудовые, корпоративные, инвестиционные) применительно к адвокатской практике в Узбекистане в сфере АРС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Нормативно-правовые акты

- 1.1. Закон Республики Узбекистан от 25.12.2008 № ЗРУ-195 «Об адвокатуре» (ред. от 03.11.2022) // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – 2009. – № 1.
- 1.2. Закон Республики Узбекистан от 03.07.2018 № ЗРУ-482 «О медиации» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2018. – № 27. – Ст. 543.
- 1.3. Указ Президента Республики Узбекистан от 21.02.2017 № УП-4966 «О мерах по коренному совершенствованию судебно-правовой системы» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2017. – № 8. – Ст. 121.
- 1.4. Стратегия «Узбекистан – 2030»: Указ Президента Республики Узбекистан от 11.09.2023 № УП-158.
- 1.5. Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
- 1.6. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.
- 1.7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2018 № 1 «О применении судами законодательства о медиации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 4.
- 1.8. Закон Республики Казахстан от 28.01.2011 № 401-IV «О медиации» (ред. от 20.03.2023) // Казахстанская правда. – 2011. – 3 февраля.
- 1.9. Закон Республики Казахстан от 05.07.2018 № 176-VI «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» // Казахстанская правда. – 2018. – 10 июля.
- 1.10. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31.10.2015 № 377-V // Казахстанская правда. – 2015. – 3 ноября.
- 1.11. Mediationsgesetz vom 21. Juli 2012 (BGBl. I S. 1577). <https://dejure.org/>
- 1.12. Bundesrechtsanwaltsordnung (BRAO) vom 01.08.1959 (BGBl. I S. 565), zuletzt geändert durch Gesetz vom 07.07.2021. Deutschland.

1.13. Council of Bars and Law Societies of Europe. CCBE Code of Conduct for European Lawyers (as amended). – Brussels: CCBE, 2019.

2. Научная литература

2.1. Калашникова, С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции / С. И. Калашникова. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 304 с.

2.2. Носырева, Е. И. Альтернативное разрешение споров в США / Е. И. Носырева. – М.: Городец, 2005. – 320 с.

2.3. Шамликашвили, Ц. А. Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров / Ц. А. Шамликашвили. – М.: МЦУПК, 2010. – 168 с.

2.4. Давыденко, Д. Л. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров / Д. Л. Давыденко. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 236 с.

2.5. Menkel-Meadow, C. The trouble with the adversary system in a postmodern, multicultural world / C. Menkel-Meadow // William & Mary Law Review. – 1996. – Vol. 38, № 1. – P. 5–44.

2.6. Riskin, L. L. Mediator orientations, strategies and techniques / L. L. Riskin // Alternatives to the High Cost of Litigation. – 1994. – Vol. 12, № 9. – P. 111–114.

2.7. Steffek, F. Regulating Dispute Resolution: ADR and Access to Justice at the Crossroads / F. Steffek, H. Unberath (Eds.). – Oxford: Hart Publishing, 2013. – 380 p.

2.8. Volkmer, J. Mediation in Deutschland: Bilanz und Ausblick / J. Volkmer // Zeitschrift für Konfliktmanagement. – 2018. – Bd. 21, H. 4. – S. 148–152.

2.9. Brown, H. J. ADR Principles and Practice / H. J. Brown, A. L. Marriott. – 2nd ed. – London: Sweet & Maxwell, 1999. – 482 p.

3. Интернет-ресурсы

3.1. Официальный сайт Министерства юстиции Республики Узбекистан. – URL: <https://www.minjust.uz>

3.2. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан «Lex.uz». – URL: <https://www.lex.uz>

3.3. Официальный портал Адвокатуры Республики Узбекистан. – URL: <https://www.advokatura.uz>

3.4. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – URL: <https://fparf.ru>

3.5. Официальный сайт Bundesrechtsanwaltskammer (Федеральная адвокатская палата Германии). – URL: <https://www.brak.de>

3.6. Официальный сайт Республиканской коллегии адвокатов Республики Казахстан. – URL: <https://www.advokatura.kz>

3.7. Официальный сайт Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). – URL: <https://uncitral.un.org>

3.8. Официальный сайт Совета адвокатур и юридических обществ Европы (CCBE). – URL: <https://www.ccbe.eu>